

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ. РОЛЬ ЦЕЛОМУДРИЯ В СОТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

S.G. Pokrovsky

SOCIAL STRATIFICATION. THE ROLE OF CHASTITY IN THE CREATION OF MAN

1. К истории социальной стратификации

В идеологической борьбе, происходящей в современном обществе, одним из центральных положений является положение о «священной частной собственности». «Естественность» и «священность» ЧС лежит в фундаменте идеологии и права современного капитализма, претендующего на глобальное освоение поверхности земного шара, настаивающего на общечеловеческой ценности собственных понятий и институтов. Однако является ли «священная» и «естественная» частная собственность такой уж священной и естественной? На что опираются такие представления? – По сути, на уровень теоретических представлений об истории развития человеческой цивилизации. И логику этих представлений яснее всего выразил Ф. Энгельс в названии своей работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Именно логика противостояния семьи окружающему коллективу, выделения семьи в отдельную ячейку, постепенного накопления в семье материальных ценностей с последующим возникновением эксплуатации на базе выросшего материального богатства отдельных семейств – практически оправдывает весь институт частной собственности.

Политическая и социальная практика конца XX столетия предоставила великолепную подсказку, помогающую понять, что это, скорее всего, совсем не так. В СССР правящее сословие партийно-административно-хозяйственных руководителей практически одновременно превратилось в собственников того огромного материального достояния, которое сформировалось как общественное, предназначенное для

удовлетворения многообразных потребностей всего народа. Возникает догадка, что и история происхождения частной собственности близка к этому. Существовали большие родовые коллективы, являвшиеся коллективами, по сути, кровных родственников. Возникновение избыточного материального достатка отдельных членов было практически невозможно. По мере роста производительности труда возникали определенные излишки, поддающиеся накоплению и сохранению. Накопление этих излишков привело к созданию институтов освобожденных администраторов – вождей, распоряжавшихся этими излишками для нужд всего коллектива. В последующем, по мере нарастания этих излишков и выделения связанных с распоряжением этими накоплениями вождей и других администраторов в отдельное сословие, касту, возникли условия для приватизации коллективной собственности. И развитие происходило по фактически противоположной схеме: возникновение государства, семьи и частной собственности.

Все это могло бы быть досужими рассуждениями. Но человечество представляет собой гигантскую лабораторию, в которой присутствуют множественные народы, располагающиеся на разнообразных ступенях развития. Огромный фактический материал этнографических исследований XX века уже вполне позволяет нам переходить к крупномасштабным историческим и идеологическим обобщениям.

1.2. Общества с недостатком избыточного продукта

В Амазонии, в Африке, на островах Зондского архипелага, в горных джунглях Филиппин, в Австралии проживают сотни племен, некоторые из которых были открыты буквально 20–30 лет назад. В этих архаических сообществах семья совершенно не похожа на моногамную европей-

¹ Кандидат технических наук, физик, член-корреспондент МАОН, Москва.

© Покровский С.Г., 2014.

скую семью. Одновременно в этих же общинах не возникает и устойчивых властных структур. Обеспечение внутренней устойчивости этих общин по отношению к внутренним распрям ложится целиком на традицию. Е.Н. Панов указывает на механизмы поддержания устойчивости [1]. В общинах, в которых все жители довольно прочно привязаны к месту проживания, традиция стремится не допустить возникновения раздоров, опасных для существования общины. А если все-таки такие столкновения произошли, то на этот случай предусматриваются сложнейшие ритуалы восстановления мира и выкупа за нанесенное оскорбление (рассмотрен случай дачи выкупа родственникам за убитого в африканском племени нуэра). Крайним случаем является обычай кровной мести, который удерживает потенциального преступника от совершения преступления. При этом в качестве объекта кровной мести может выступать любой член большой родни этого преступника. Фактически, искупающая кровная месть может выбрать любого члена общины. И поэтому каждый член общины заинтересован не в эскалации раз возникшего раздора, но в его тушении. При этом ритуал погашения таков, что он позволяет всем участникам возникшего конфликта «сохранить лицо», т.е. продемонстрировать не примитивное примиренчество, а непреклонное желание наказать убийцу.

Наоборот, там, где хозяйственная практика требует вынесения делянок отдельных родственных групп достаточно далеко от мест проживания, необходимости поддержания устойчивости существования общины не существует. И по достижении критического количества членов общины – она распадается путем ухода из общины одной из конфликтующих групп.

«По-иному обстоит дело у лесных земледельцев, например южноамериканских индейцев яномамо, чьи плантации зачастую расположены на значительном расстоянии от поселка шапуно. У этих индейцев, заслуживших за свою воинственность и неуравновешенность репутацию “свирепых людей”, единовременное расщепление общины – вещь вполне обычная. Мужчины чрезвычайно вздорны и злопамятны, и даже незначительная размолвка между ними может легко перерасти во взаимную нетерпимость. В скрытую вражду неминуемо оказываются втянутыми родичи с обеих сторон. Развязка часто наступает после того, как воины в часы вечернего досуга накурятся эпены – особого порошка, изготавливаемого яномамо из ядовитых растений и вызывающего галлюцинации. В состоянии опья-

нения недруги вызывают друг друга на состязание в силе, которое начинается с того, что они поочередно наносят противнику удары кулаком в грудь. Затем следует поединок на тяжелых палицах, длиной до полутора метров: пока один из соперников стоит, выпрямившись и абсолютно неподвижно, другой обрушивает удар этим оружием прямо на его темя, которое у мужчин яномамо, согласно местному обычаю, чисто выбрито. Борьба носит ритуальный характер и остается в норме правил. Трагическая развязка наступает лишь в том случае, если кто-либо из участников хватается за лук. Индейцы, как правило, пользуются стрелами с зазубренными наконечниками, отравленными ядом кураре, так что меткий выстрел почти неизбежно влечет за собой смерть недруга, а промах легко может обернуться гибелью кого-либо из невольных свидетелей происходящего.

Подобные эксцессы неминуемо влекут за собой уход из общины целой группы людей, связанных между собой близким родством, общностью интересов и силой авторитета воина, берущего на себя роль лидера в отделившейся группировке. Американский антрополог Наполеон Чагنون, изучавший жизнь и нравы яномамо в 70-х годах прошлого века, пришел к выводу, что расщепления общины можно, скорее всего, ожидать после того, как численность ее членов достигнет примерно сотни персон, включая женщин и детей. При численности в 40–60 человек деревня может выставить в качестве боевого отряда для защиты от набегов соседей около 10 мужчин-ваитери (так называют опытных воинов). Этого, очевидно, недостаточно, если принять во внимание атмосферу взаимного недоверия, коварства и непредсказуемости, царящую в отношениях между общинами. Два таких отряда делают общину менее уязвимой и обеспечивают более успешные набеги на соседей для похищения тамошних женщин. Два десятка бойцов соответствуют общей численности общины порядка 100 человек. Однако при дальнейшем ее росте резко увеличивается вероятность внутренних раздоров, и именно на данной стадии община обычно раскалывается» [1].

При этом также не формируется ни отдельной классической парной семьи, ни устойчивых властных институтов. Общины обоих типов не могут позволить себе выделение освобожденных администраторов на властные должности. Существование продолжается на грани достатка и голода.

Сразу обращаем внимание на то, что в обоих случаях мы имеем дело не с примитивными

обществами собирателей-охотников, а с племенами, находящимися в условиях перехода к земледельческой и скотоводческой культуре. Нам представляется, что этот момент является наиболее важным в цивилизационном развитии народов. Автор [2] справедливо отмечает, что переход от общества собирателей-охотников к земледелию происходит медленно и протекает с большими сложностями. В частности, он указывает, что на данном, раннем, этапе эффективность земледелия может уступать по эффективности собирательству: у сборщиков саго и папуасов-земледельцев, например, для получения одного миллиона калорий требовалось 80–600 человеко-часов (у первых – 80–180), а у бродячих охотников и собирателей – более одной тысячи [2]. Разница – совершенно непринципиальная. Причем сборщики саго – это те же собиратели, но с устойчивыми угодьями саговника – пальмообразного растения из семейства голосеменных с крахмалистой сердцевинкой ствола. Собственно переход к земледелию еще ничего не меняет в возможностях развития социальной структуры. Но уже подготавливает почву для социального расслоения. Переход к земледелию даже в самых примитивных формах уже привязывает общины к определенным участкам земли. Пусть не постоянным, а временным. И изменяет рацион земледельцев. Вместо разнообразной пищи собирателей, успешно употребляющих не только орехи, бананы, корнеплоды, сладкие или мучнистые побеги, но и попадающих на путях личинок жуков, гусениц, яйца птиц, черепах, ящериц, лягушек, рацион становится преимущественно углеводным. И у земледельцев возникает острый дефицит животного белка. Развитое земледелие позволяет обеспечить кормами прирученный домашний скот, птицу. А вот на переходной стадии продовольственный баланс крайне неустойчив. Белковый дефицит покрывается охотой. Но только эта охота перестает быть занятием всех мужчин племени. Значительная часть мужчин занята трудом, связанным с земледелием. Происходит выделение охотников в отдельную, почитаемую, высокостатусную категорию.

«Поэтому у земледельцев мясная пища приобретала особую притягательность. Именно поэтому, думаю, мясо и его добыча со временем получили особый социально-престижный смысл. Здесь-то и кроются причины парадоксального, на первый взгляд, явления, когда наиболее престижным видом занятий ранние земледельцы нередко считали именно охоту. Так, индейцы Десана, обитающие в Северо-Западной Амазонии, считали себя охотниками, и именно с охотой

здесь были связаны основные ценностные ориентации, хотя на практике охота давала не более четверти дневного рациона и многие мужчины в большей степени занимались рыболовством, а основным источником пищи служило земледелие» [2].

2. К истории социальной стратификации

2.1. Общества, в которых появляется избыточный продукт

«В деревнях жителей африканской саванны сразу бросаются в глаза большие, обмазанные глиной корзины, стоящие на деревянных помостах рядом с хижинами. По количеству и размерам этих корзин-зернохранилищ с первого взгляда можно определить степень благосостояния обитателей того или иного жилища. Ясно, что самые богатые зернохранилища принадлежат главе общины, хотя не все их содержимое – непременно личная собственность последнего. Хранящиеся здесь запасы предназначены для общественного использования во время деревенских праздников или в случаях недорода. Важно и то, что обладание подобным резервом освобождает время лидера для занятий самыми разнообразными делами управления общиной и благоустройства деревни. Как бы взамен он требует от жителей дальнейшего пополнения запасов, что, в конечном итоге, обеспечивает его все более эффективными средствами давления и принуждения. Так шаг за шагом лидер приобретает реальную политическую власть и становится вождем в полном смысле этого слова» [4].

Обратите внимание. Корзины с зерном – около жилища главы общины. Они предназначены для общественных нужд. Но ими же, как собственными, пользуется и глава общины. По мере наращивания масштаба общественных запасов – у него все меньше и меньше необходимости пополнять их собственным трудом – община обеспечивает не только запас на праздники и «черный» день, но и каждодневное потребление главы. Более того, общественный запас обеспечивает ему возможность формирования вокруг себя группы людей, специализирующихся на тех или иных видах деятельности. Глава общины способен содержать кузнеца, гончара, еще кого-то. Они еще не могут жить за счет обмена своего продукта на продукты отдельных членов общины. Но они могут уже посвящать заметную часть собственного времени тому, чтобы накапливать знания и навыки, необходимые для качественной и производительной работы в своем ремесле. Для выпечки лепешек на семейном очаге используются собранный хворост, какие-то сорванные руками высохшие стебли трав и кустарников.

А вот при изготовлении изгороди вокруг загона для общественного скота или при строительстве забора вокруг деревни пользуются топором, сработанным кузнецом, на изготовление которого он потратил полгода. Ни один член общины не в состоянии дать кузнецу полугодовой запас еды за топор, поскольку сам производит еды на 1,05 года. А вот 20 таких же членов общины, сдавая избыток продукта в «общую кассу», способны обеспечить продуктом вождя. А еще 20 – кузнеца. Возникает специализация. Но не в форме равноправного обмена продуктов специалиста на продукты семьи, а обмена продукта специалиста – на продукт, собранный общиной. И здесь мы наблюдаем важный для понимания многих процессов современности момент.

1. Часть продукта, собранного «с миру по нитке», и используется для общественного потребления продукта технической инновации – железного топора, например. Это – фонд развития.

2. Вторая часть продукта используется на общественное потребление в чрезвычайных ситуациях. Это – стабилизационный фонд.

3. Третья часть – используется на потребление той части общины, которая вынуждена тратить свое время на хранение и перераспределение продукта, предназначенного для стабилизации и развития.

Вот эта-то третья часть и является основой для дальнейшего расслоения. Роскошная жизнь любого ремесленника вызовет ропот в общине – как это? Мы – на грани голода, а этот отрастил живот. Ни хрена полезного не делает, а жрет за обе щеки! Стабилизационный фонд – никогда роскошным не бывает. И здесь – никаких претензий. Если уж беда настала, то, слава богу, есть хоть что-то, чтоб не помереть с голоду.

А то, что сверх стабилизационного фонда, который может годами не требоваться? Сверх фонда развития – когда число умельцев недостаточно, чтобы съесть все то, что для них выделяется? – Это личный фонд главы племени. Из которого он может подкармливать охотников-воинов. Становящихся зависимыми от него. Из которого он может накапливать под собственным контролем общественно значимые ремесленные продукты. В археологических находках Шаньского протокитайского государства обнаружен склад, содержащий более тысячи каменных серпов.

Постепенно (всего-то два-три поколения) практика распоряжения общественными запасами становится семейной (сословной). Происходит это и в силу социальных причин – дети рода главы племени с младых ногтей помогают

старшим в их делах. Становясь специалистами в том, что недоступно пониманию рядового члена общины. Происходит это и в силу генетических причин – способность к рациональному распределению запасов по различным каналам использования – не из самых простых даже на бытовом уровне, причем по сегодняшней день. Называется – не всем дано. Обе эти – социальная и генетическая – причины выделяют родственников главы из общей массы соплеменников. Распоряжение общественным достоянием становится наследственным. Но наследственность эта вполне спорна. В каждой семье, в каждом роду время от времени появляются дети, которые ничуть не менее способны к управлению, чем дети рода главы общины. Да еще они могут быть и более агрессивны. Родовое закрепление функций происходит теперь уже в сфере религиозных культов.

«С развитием общественного неравенства происходит существенная модификация тотемических представлений и, в частности, дифференциация и иерархизация тотемов в соответствии с социальной значимостью их обладателей. Так, у зулу распространенным тотемом являются змеи. При этом тотемическими предками зулусской родовой знати оказываются наиболее “аристократические”, редкие и опасные виды зеленых и черных змей; на долю же тех, кто не принадлежит к верхушке общества, остаются тотемы в виде безобидных коричневых змей» [3].

Что дальше? – Дальше постепенная ползучая приватизация общественных взносов – податей, налогов, общественных трудовых повинностей и пр.

«В силу своей должности вождь обладал большой властью. Все подданные были обязаны безоговорочно подчиняться его приказам. Он имел право на жизнь и смерть своих подданных: мог не только приговаривать их к смерти, но в определенных случаях также казнить их без суда. Имел он право и на труд членов племени. Их вызывали для участия в сооружении дома и краала вождя, обработки полей его жен. Существовали особые поля, которые обрабатывались членами того или иного подразделения племени и весь продукт с которых шел вождю. Подданные снабжали вождя дровами, водой, отдавали ему долю продукта, произведенного в их собственных хозяйствах (зерно, скот), а также часть охотничьей добычи (мясо, шкуры, слоновая кость и т.п.). Вождь присваивал большую часть военной добычи. Как верховный судья вождь получал штрафы с виновных, чаще всего скотом» [4].

Вот оно, возникновение частной собственности – власть, предназначенная для удовлетво-

ния общественных нужд, становится самодостаточной. Она отделяется от народа освященными религией родовыми признаками, увековечивающими ее выделенное, возвышенное положение. И начинает пользоваться общественными податями, подношениями, работами не столько для общественных нужд, сколько в нуждах собственного потребления. Причем самой мало заметной жертвой социальной стратификации становятся люди, которые могли бы обеспечить техническое и технологическое развитие. То ли им выделено достаточно средств, то ли – ниже минимально необходимого. Большинство народа этого не чувствует. Это проявляется только через поколения, когда у враждебного племени уже железные наконечники для стрел, у каждого – железные ножи, прекрасные дальнобойные луки, а у племени, в котором знать поглотила все средства развития на собственное роскошное потребление, – только копья с костяными наконечниками...

Влияние естественных социальных рубежей на социогенез

Этнография отмечает замечательную особенность. Если общество уже готово к социальной стратификации, т.е. имеет достаточно добавочного продукта, способного обеспечить надстроечные структуры, причем это способствует пусть не росту производительности общественного труда, но хотя бы повышению надежности существования, – предпосылки к социальной стратификации уже есть. Другое дело, что реализовать им непросто. Выделение какого-то человека или рода в качестве главенствующего – всегда упирается в наличие существенной конкуренции. Не обязательно сознательной. И не обязательно конкуренции со стороны именно того человека, который претендует на должность главы. Это может быть конкуренция мнений. Часть общины поддерживает одного главу, отличающегося повышенной рассудительностью, справедливостью. А другая часть – другого человека, который отличается изобретательностью, умением находить неожиданные и точные решения. Кому отдать предпочтение? – При равенстве сил, стоящих за одним и другим претендентом, ситуация может консервироваться на годы и десятилетия. Ни один не становится полноценным главой. Но все упрощается, когда в общине появляются чужаки, претендующие на верхние этажи социальной лестницы. Они не связаны никакими обязательствами перед сторонами противостояния. А если они при этом вписываются в требуемую структуру, то это упрощает социогенез. И этнография дает этому множество подтверждений. В

частности – в виде разделения функций тутси и хутту в африканских племенах.

Некоторые примеры даются в [1]: «... к началу второго тысячелетия нашей эры племена скотоводов, относящиеся к нилотской группе народов, стали расселяться из долины Нила к югу, в саванны, где жили негроиды-банту. Пришельцы-скотоводы, в среде которых господствовали отношения равенства и анархии, использовали в качестве основы новой политической системы предгосударственные структуры местных земледельцев. При этом на имущественное и сословное неравенство наложилось еще и кастовое. Например, в царстве Анколе, которое сформировалось в XV–XVI веках на территории современной Уганды, скотоводы хима отвели себе роль господствующей касты, держащей в подчинении касту исконных местных жителей – земледельцев иру.

Одним из важнейших инструментов сохранения такого господства стал распространявшийся на всех иру запрет разводить скот. Крестьянин мог получить в пользование либо яловую корову, либо бычков, которых закалывали на мясо. В обмен на этих животных иру должны были отдавать скотоводам часть своего урожая. Возможности крестьян восстать против установленного порядка были сведены до минимума, поскольку им запрещалось иметь оружие и входить в состав военных отрядов. Браки между ира и хима категорически запрещались. И хотя существовавшее в Анколе кастовое неравенство служило источником постоянного социального напряжения, с экономической точки зрения система оказалась прогрессивной, поскольку сложившееся в обществе разделение труда приносило обоюдную выгоду и скотоводам, и земледельцам.

Этот пример разграничения каст по этническому признаку – далеко не единственный. По свидетельству Леви-Стросса, нечто подобное существовало еще сравнительно недавно у индейцев мбайа-гуайкуру в Бразилии и Парагвае. В структуре их монархических обществ и в материальной культуре чувствуются веяния древних цивилизаций Америки – таких, например, как культура Чавин в Перу, существовавшая на рубеже первого и второго тысячелетий до новой эры. В обществе кадиавеу представители этого этноса составляли привилегированную касту, своего рода аристократию. К ней помимо самих монархов принадлежали родовая знать, подразделявшаяся на два соподчиненных сословия, и подкаста воинов. Все они обслуживались кастой крепостных индейцев гуана, которые, в подражание высшим слоям общества, также подраз-

делялись на три подкасты. Кстати сказать, историками подмечена закономерность, суть которой в том, что процессы формирования государства зачастую ускоряются в обществах, состоящих более чем из одного этноса).

Последнее очень существенно для понимания социогенеза тех цивилизаций, на примерах которых сейчас строится историография. Обращаем внимание: английская нация сформировалась после завоевания господства в обществе пришельцами-норманнами. История Руси в летописи открывается призыванием Рюрика, Хазарский каганат – это господство иудаистской верхушки над христианско-мусульманско-языческими низами. Но как верно отмечает Васильева Н.И.: «иудаизм вообще не прозелитическая религия и “передается” только по принципу крови» [5]. И это подтверждено источниками. Вплоть до фамилии того иудейского семейства, которое монополизировало власть в Хазарии – и привело Хазарию к краху. Необходимость призывания инородцев для облегчения перехода к другой социальной организации – факт, подтверждаемый повсеместно и по сей день. Дворянство побежденного Иваном Грозным Ливонского ордена моментально вошло на равных в элиту русского общества и стало приводным ремнем дальнейшего реформирования России. Петр насытил высшие структуры государства рекрутами из Голландии, Шотландии, Германии. Социальное реформирование СССР происходило через использование на ключевых управляющих должностях не связанных с местной общиной назначенцев. Причем в центральный советский аппарат моментально включилась масса инородцев Российской империи: евреев, прибалтов. А формирование капиталистического общества в постсоветской России 1990-х в немалой степени связано с использованием в структурах, формирующих финансовую политику, «независимых специалистов» из США.

2.2. Особенности средневековой Европы

Подготовка материала по истории социальной стратификации дала интересный побочный материал, который, как представляется автору, может быть весьма перспективным.

Говоря о том, что в раннем земледельческом обществе резко возрос социальный авторитет охотника, мы не упомянули довольно скользкий момент. Для древних земледельцев, нуждающихся в мясе, не было еще больших отличий между мясом убитых на охоте животных и мясом убитых в войне людей. На Новой Гвинее по сей день не искоренены традиции людоедства. До сравнительно недавнего прошлого они были

развиты гораздо шире. Сегодня, в гражданской войне в Конго, отмечается, что повстанцы поедают пигмеев. В каких-то племенах Новой Гвинеи совершенно спокойно сравнивают вкусовые качества человечины и редкой (достающейся по праздникам) свинины. Убийство чужаков, война с целью захвата людей как продукта питания подтверждается этнографией. И – источниками европейской истории раннего Средневековья, когда жители цивилизованной Византии со страхом наблюдали, что происходит у окружающих их «варваров». «М. Элиаде, анализируя данные разных источников о братствах молодых воинов-волков у различных народов, в том числе и у германцев, греков, иранцев и индийцев, пришел к шокирующему выводу: “В том, что имела место реальная ликантропия, связанная с людоедством, нет ни малейшего сомнения”» [6].

Грубо говоря, обособление в отдельную привилегированную авторитетную касту охотников привело к возникновению у них обособляющих тотемов. В индоевропейской культуре – волчьего тотема. Причем экономическая деятельность волков-охотников-воинов заключалась не только в охоте, но и войне, приносящей собственному племени мясо врагов-соседей. По мере подъема эффективности связанного с земледелием животноводства, гораздо более надежно обеспечивающего общество мясом, чем охота и война, человекоубийство в целях поедания сменилось человекоубийством и ритуальным поеданием или скармливанием собакам отдельных человеческих органов.

Но военная каста, закрепившая свою исключительность тотемно-религиозно, уже выделилась. И она могла теперь только постепенно исчезнуть с лица земли. В силу самоуничтожения воинов-охотников во взаимных войнах. В силу истребительной по отношению к ним политики тех или иных институтов более развитого общества. И мы это тоже наблюдаем: церковь времен «темных веков» массово сжигает на кострах «оборотней» – людей, ассоциирующих себя с волками. Выделенный элитарный слой охотников-воинов формирует раннее государство, а затем государственный механизм избавляется от этой напасти: в гербах феодалов присутствуют всевозможные животные, но нет основного тотема индоевропейцев – волка. Тем не менее, сам факт военно-охотничьего происхождения европейского правящего сословия дает подход к осознанию основ европейской культуры. Как мы упоминали выше, развитие земледелия порождает социальную стратификацию. Но социальная стратификация облегчается, когда

назревшая необходимость стратификации обеспечивается приходом чужаков. Чужаки-убийцы, ликвидирующие зародышевые управленческие структуры, заменяют их, поглощая прибавочный продукт, предназначенный для своих, единоплеменных, воинов-охотников. И выполняя практически ту же функцию – войны с прочими претендентами на это же место. В том числе готовыми поубивать и съесть земледельцев. И маленькое, но успешное в военном отношении племя тевтонов или франков – начинает доминировать над все более и более расширяющейся зоной чуждых им славян-земледельцев. Потребляя добавочный продукт земледелия, рекрутируя в свои ряды представителей подвластных народов, беря себе жен из этого народа, слуг, рабов, начинающих говорить на языке этих самых франков или тевтонов. Таким образом осуществляется ассимиляция сравнительно небольшими, но воинственными группами гораздо более многочисленных но оседлых, земледельческих народов, оставших в военном отношении. Приблизительно по этой же схеме, видимо, сформировалась и венгерская нация. С единственным отличием. Успешные воины, занявшие подготовленное уже для них место, пришли не из-за соседнего леса, а прорвались из района Волги или Зауралья.

3. Роль целомудрия в сотворении человека

В марте 2010 автор услышал чрезвычайно важную для понимания цивилизационного развития человека подсказку. В 1941 году, когда из деревни в Полтавской области, где в войну оказалась родственница одной моей знакомой, девушек вывозили на работы в Германию, вдруг на медкомиссии выяснилось, что абсолютно все 17-летние девушки целомудренны. Немецкий офицер, который распоряжался всем этим, задумался. *Такой народ нельзя победить!* – это его фраза. Фраза пришлась ко двору.

Феномен трипольской культуры тысячелетиями существовавшей и развивавшейся, давшей толчок развитию следующих неолитических культур: среднеднепровской, днепро-донецкой, а там и далее – на север, требовал объяснения. Что обеспечивало прочность существования воспроизводящей цивилизации? Почему люди Русской равнины, раз усвоив навык заботы о воспроизводстве плодородия земли, больше уже не скатывались более к губительному для природы потребительскому отношению к ней? Что им позволяло удерживать свою цивилизацию от разрушения, в отличие от множества цивилизаций, роскошные следы которых в джунглях Бирмы, Таиланда, Индии, Центральной Америки, Экваториальной Африки, в саванне Судана и в

пустынях Йемена и Средней Азии соседствуют с совершенно примитивной жизнью наследников этих цивилизаций? Почему их не разодрали войны за собственность, войны языков и просто из-за того, с какого конца разбивать яйцо?

Почему во второй половине XIX века начался стремительный упадок крестьянского земледелия? Засорение полей, запустение лесов и рек. И параллельно распад больших семей, резкое распространение сифилиса и пьянства. А возвращение воспроизводящего хозяйства, сохраняющего плодородие, занимающегося разведением лесов в СССР совпало со стремительным уходом страны от пьянства и возвращением высокоморального отношения к женщине.

И вдруг все встало на свои места. Трипольская культура после себя оставила массу статуэток женщин-богинь. Человек возвел женщину в ранг богини и сразу из полуживотного состояния перешел в человеческое. Понимаете, богиня не обольщает мужчину, не добивается его, за богиню не конкурируют, ее не продают. Она выше всего этого. Соответственно исчезает главная причина войн и раздоров в человеческих сообществах. Та самая, которая «Шерше ля фам» = «Ищите женщину!»

Мы не будем пока ничего домысливать о целомудрии трипольских девушек. Нам достаточно и своей русской цивилизации, непрерывность которой от неолита и раннего железного века достаточно хорошо отслеживается археологически. Что мы видим, прежде всего, в староверческих общинах и в сохранивших православную традицию деревнях? Целомудренность девушки – святое. На нее нельзя посягать. То же самое у чеченцев. Там за покушение на целомудренность убьют. И правильно сделают, однако.

Так вот, кроме того что святость целомудрия вышибает из общества одну из важнейших причин раздоров, у него – у святости целомудрия – есть не менее важная функция. Если невесту назначают суженому, то это позволяет исключить возможность воспроизводства себя в потомстве негодяям, слабым, больным и т.п. Их просто отсекают те, кто заведует подбором супружеских пар. Одновременно это позволяет попридержать мужчину в неженатом состоянии, пока он не созреет душой, станет не мальчиком, но мужем. Но и в случае нахождения себе жениха по любви, если плотская страсть преодолевается, юноше и девушке ничего не остается до момента венчания, как искать друг друга по человеческим качествам. Главное, чтобы человеческий разум не затмило легко реализуемое желание. Чтобы был запрет. Внутренний. Святое нельзя опорочить.

Молодой человек должен предъявить именно себя как человека, чтобы его полюбила целомудренная девушка. Целомудренность не препятствует быстрому созреванию любви, рождению горячей, не терпящей препятствий страсти, требовательной к ответной столько же пылкой страсти, не допускающей льда и притворства. Не дающей права на «стерпится – слюбится». Лишающей обоих права на измену.

Святость женщины, святость целомудрия – мощнейшее средство направить половой отбор по пути стремительного совершенствования человеческого от поколения к поколению. По пути отбора людей, которые на самом деле слишком легко могут скатываться вниз. Бомжи – у городских перед глазами. Спившиеся алкоголики, наркоманы – тоже. Про озверевших убийц, маньяков нам многое рассказывает телевизор. Офисный планктон – да, тоже; какие из них люди?

Продолжим рассуждения. В случае, когда отношение к девушке, женщине как святыне является устоявшимся, поддерживаемым всей народной традицией, исчезает главная опора бытовой лжи. Обольщение посредством всевозможных побрякушек, косметики, причесок со стороны женщин, обольщение подарками, высоким положением, богатством со стороны мужчины – в сущности ложь. Ложь о своем теле, о своей душе, возведенная в норму обыденности. Но лгать тому, что ты считаешь, нельзя. Ложь – это оскорбление святыни.

Священность целомудрия, священность женщины, в сущности, – основа праведности общества, в котором поддерживается культ целомудрия. А праведность функциональна. Человек не лезет на тот уровень, который ему недоступен, но стремится реально подниматься над собой, реально соответствовать тому образу, в котором его видит женщина. А что это значит? А это означает постоянное мышление, постоянное сопоставление своих способностей с тем, что должно быть. Соответственно – самосовершенствование всю жизнь. Причем не только личное. Тот, кто отвечает за труд и жизни других людей, по сути, вместе с собой совершенствует и возглавляемые им коллективы. Тот, кому принимать решения о севооборотах, о вырубке или насаждении лесов, о постройке новых поселений, прокладке дорог, мостов, добыче руды или выработке металлов, совершенствует себя через углубление понимания закономерностей природы, технических сооружений, рудничного дела, закономерностей прочности и т.п. И постоянный поиск: а как все-таки должно быть правильно?

Там, где существует культ святости цело-

мудрия, естественными становятся социальный мир и социальное партнерство. Потому что человек на каждой ступени социальной лестницы должен делом доказывать свое достоинство, свое соответствие занимаемому положению. «Слуга царю, отец солдатам» – и никак иначе.

Святость целомудрия женщины, по сути, подсказка природы, наделившей человеческую женщину уникальным в природе индикатором целомудренности – девственной плевой. Заметим, что западная цивилизация и международное еврейство в смысле отношения к целомудрию как к священной ценности – прямая противоположность русской традиции и традиции еще многих народов нашей страны. Они ее не ценят.

Заметим, что святость целомудрия – ценность дохристианская. Христос родился в непорочном зачатии. Не так ли? Независимо от того, кто и когда писал Библию, она писалась в той культуре, в которой целомудренность была священна. Это не могли быть народы, у которых имелась давняя практика детского инцеста, где распространены вакхические культы, эпикурейство, где существовала традиция священной проституции на порогах соответствующих храмов, где существовала норма вовлечения других народов в свой блуд через посредство подкладывания их мужчинам своих девушек в качестве любовниц и жен. Где существуют фаллические культы и культ голого тела. Там, где голое тело – чуть ли не на каждой амфоре, тело – превыше духа, заключенного в нем.

А душа – в глазах, в лице. И это только в иконах со строгими ликами. Повсеместные же изображения голых тел, распущенные волосы – суть провокация плотского в самый чуткий и опасный период переломного возраста, когда умишко еще не доросло до понимания красоты. Отношение же к целомудрию, как к святыне, предполагает запрет на такую провокацию.

Здесь, правда, есть некоторое противоречие с археологией трипольской культуры, наполненной как раз статуэтками нагих женщин. Поэтому я сразу и не стал выдумывать лишнего про святость целомудрия у трипольцев. Но их статуэтки – это все-таки не женщина-обольстительница. А беременная женщина. Завтрашняя мать. Она стала священным символом – богиней плодородия. Это совсем другой акцент. Важно, что неолитическая революция сопровождалась возникновением собственно святости – как элемента духовного мира.

Что-то впервые стало святым, а потому неприкосновенным. В данном случае плодovitая женщина, пред которой надо преклоняться, ко-

торуую надо почитать. Некий абсолют, с которым надо соотносить свою жизнь. Собственно поддержание, сохранение плодородия ландшафта – сущность того, что принесла с собой неолитическая революция. Земля ведь тоже очень быстро портится. Для поддержания ее плодородия в течение десятков лет нужна мудрая забота. Равно как и для поддержания плодovitости женщины от поколения к поколению. О необходимости такой заботы напоминает культ.

А одной из главных опасностей как раз для плодovitости является раннее начало половой жизни. Когда тело еще не сформировалось. И первые роды могут закончиться смертью или последующим бесплодием. И ранние дети – тоже, как правило, слабенькие. Отсюда один шаг до освящения девичьего целомудрия.

Другой опасностью для плодovitости является вырождение из-за близкородственных браков. Опять всего один шаг к святости целомудрия. Надо, чтобы невесты и женихи были из разных поселений. Или из отдаленных колен – внутри большого поселения. А соблазняют, обычно, те, кто поближе. Так что предположение о том, что сама неолитическая революция была революцией в отношении к целомудрию, а именно, приданием ему статуса святости, все-таки вполне резонно. Целомудрие – важнейшее средство воспроизводства плодovitости.

Теперь снова вернемся к русской цивилизации. Еще раз обращаю внимание на важность именно святости целомудрия, а не просто из страха перед наказанием за утрату девственности. В русском языке целомудрие – это понятие, далеко выходящее за рамки регулирования собственно бракосочетания. Жизнь в полноценном браке с рождением детей тоже нередко оценивают словом целомудренная. И жизнь безотносительно к половым отношениям тоже называют целомудренной. В частности, целомудренное отношение к природе. Этим словом называют достойное жизненное поведение, в котором человек ни при каких обстоятельствах не роняет себя. Перед собакой, перед лошастью, перед землей, перед рекой, перед зверем, на которого сам же и охотится, перед лесом. Он ведет себя с ними как с равными по достоинству, перед которыми грешно ронять себя. Как? Нельзя плевать в реку, засорять лес, избивать животное, нарушать тишину неуместными криками, нельзя грязно ругаться. Я бы сказал, что христианство в его современном виде – огромный шаг назад по сравнению с этой традиционной, еще дохристианского происхождения, культурой, получившей некогда распространение на большей части

территории СССР среди самых разнообразных народов. Тунгусы живут по тем же принципам.

Целомудрие юноши и мужчины – в том, чтобы не ронять себя. Служба в армии, где ты не попался дедовщине ни в качестве молодой жертвы, ни в качестве старослужащего-угнетателя, целомудренна. А подчинение дедовщине – падение, принципиально ничем не отличимое от падения девушки. Корни этой культуры – в неолитической революции. В возникновении представления о святости. Соотнесение своего поведения с этими святыми и высокими требованиями, исходящими от этой святости – абсолюта, – суть морального поведения.

По мере развития человека в такой культуре количество понятий, приобретающих святой статус, растет. Святая правда, наоборот святая ложь, которая не корысти ради, а потому что правду действительно нельзя сказать, она слишком тяжела, например. Святая дружба, святая любовь и святая ненависть, святая чистота души и святая жертва собой, святость договора, причем не в букве, а в духе. Святость земли, которую нельзя превращать в пустыню, на которой нельзя истреблять без остатка мамонтов. К которой нельзя относиться так, что *после нас хоть потоп*.

Скрываемый словесной трескотней девиз противоположной культуры: *нет ничего святого*, кроме нас самих, любимых. В наиболее чистом виде – в форме духовного цинизма и мировоззренческого прагматизма. Соответственно нет морали. А потому нет и цивилизации. Точнее, сама цивилизация, основы которой заложены в период морального общества, есть, но нет сколько-то продолжительной перспективы, кроме гибели и распада. Или безжалостного разгрома тех сил, которые уничтожают мораль. И ведь разгромят. Не методами инквизиции, так методами фашизма и нацизма. Последние две формы суть аналог русского бунта, *бессмысленного и беспощадного*, но только у образованных, имеющих науки, но не осиливших проблему человека как революционного явления природы, как ответственного попечителя планеты, создателя ноосферы – сферы, регулируемой разумом и совестью.

Но у человечества на раннем этапе его становления в роли *образа и подобия божьего* знаний и практических навыков было маловато. Зато было явное наличие того, чего нет у животных: девственности женщины. И, как видим, одно это много дает. Очень много. Почти всё. Сильнейший животный инстинкт продолжения жизни стал в результате творцом человека-хозяина, человека морального. Противная сторона, игно-

рирующая, по сути, эту природную особенность женщины, ровно тот же инстинкт использует для возвращения человека в животное состояние. Подмену мудрой гармонии с природой, войной с природой, а самих людей – друг с другом. Но что сильнее?

Очень интересно в связи с этим рассмотреть события XIX–XX веков в России. В русскую культуру начали активно внедрять непочтительное отношение к целомудрию еще в конце XVII века через элементы польской роскоши для дворянства. Но прямое давление на общественное сознание – это Пушкин и Карамзин. «Бедная Лиза» Карамзина – суть внедрение в русскую культуру уже прочно утвердившегося во Франции женского идеала – обманутой девушки. Доверилась влюбленности, лишилась девственности – и оказалась брошенной. Софья Перовская – это уже полная половая раскрепощенность в среде народовольцев. Пьянство и проституция становятся нормой в Петербурге. И через систему выездов в города на заработки опускается в деревню, на которую давит еще и система быстро накрывающей Россию, начиная с 1850-х, сети питейных заведений. К началу XX века сифилис стал бичом крестьянства. Болели целыми деревнями. Но главное, что вместе с водкой и сифилисом из города пришла противоположная традиционному укладу культура – культура оболыщения. Выезжавший в город на заработки возвращался в деревню с деньгами, в сапогах, в яркой рубашке, фуражке, с гармонью. Угощал девок конфетками. И это – в становящейся все более и более нищей деревне. И ничем другим он себя показать не мог. Он-то работал не в деревне. А к духовным качествам присматриваться – время нужно. Оболыщение купленным стало доминировать. Соответственно и девушка стала искать способ себя предьявить в лучшем виде за счет покупных товаров. Или – просто доступностью. А куда ей деваться? У нее тоже мало времени предьявить себя. Да и традиция была – да вся вышла. Православные РПЦ были безграмотными. Попы – полуграмотными. А духовность требует воспроизводства через воспитание. Если вообще не воспитывать, а сразу – к зверям, то человек зверем и вырастет.

Опрокидывание культа целомудрия, между тем, все-таки заняло значительный срок: аж до коллективизации. Но уже к концу тридцатых школа и коллективное хозяйство вернули традицию на место. Всего за несколько лет. И страна моментально стала сильной. Сильной Людми. Связистки, девушки-снайперы, девушки-санитарки, санитарки в госпиталях, – к

которым в обществе вернулся статус святости, – одним только своим существованием воспитывали бойцов. Делали их сильными, умными и мужественными. Способными воевать с достоинством и честью. На фронте вспыхивали глубочайшие романы. Девчонки отправлялись в тыл рожать от отцов, многие из которых погибали через день, через месяц, через год. Но это были дети высочайшей любви. А просто распутных на фронте не любили, презирали. И уж тем более не было солдатских публичных домов. Планку чистоты и высоты отношений между мужчиной и женщиной не опускали.

Важно, что разрушавшая нашу страну, наш народ конструкция, которую возводили больше сотни лет, рухнула в считанные годы. Священный статус женского целомудрия – кощеево яйцо и того паскудства, которое выстроено сейчас в нашей стране. Жениться на стерве или выходить замуж за подонка – перспектива не из радужных. Наоборот, высокая любовь – мощнейший наркотик, только прикоснувшись к которому эрзацы будешь презирать. И всего-то для этого надо вспомнить старинный и удивительно простой рецепт.

Нужно вернуть статус богинь нашим женщинам и девчонкам, сдерживать похабство, активно преследовать мат на форумах, постараться увидеть душу жены, любимой, просто коллеги по работе, научиться презирать косметику и броские откровенные одежды, прически, побрякушки, дикарские кольца в носу и пирсинг. Называть красоту красотой, а не сексуальностью и не сексапильностью. Отталкивать доступных, называя их достойным их словом, и королевство кривых зеркал – темное царство – само рухнет! Рухнет, конечно, не само, более того, не рухнет, а нашими руками будет перестроено. Но только не «как всегда», а так, чтобы за сделанное не было стыдно перед женщинами. Не перед всеми, а исключительно перед **нашими**, которые достойны отношения к ним как к святым, независимо от национальности и вероисповедания. Святость целомудрия – древнее наций и религий. Она – ровесница человеку, который сотворен «по образу и подобию». Она – творец этого человека.

4. Выводы

Уже сейчас видно, что данный результат – вывод о человекообразующей и цивилизационной роли целомудрия и отношения к нему как к святине является фундаментальнейшей находкой, совершенной в рамках Новой хронологии. Он является ключом к расшифровке многих исторических тайн, в том числе антироссийской направленности исторического мифотворчества.

1. Она полностью объяснила чистоту и высочайшую праведность антисемитизма как ненависти к народу, который насаждает порочность, предаёт главную ценность, данную человеку Богом, высокую духовность отношений мужчины и женщины, которая сама есть основа совершенствования человека в половом отборе.

2. Она выявила главный инструмент борьбы против человека – доступную женщину-соблазнительницу. Которая заставляет народы отдавать реальные ценности в обмен на побрякушки для выигрыша в конкуренции за право продления рода методом применения фальшивых ценностей. В итоге человек получает черепки – пустоты семейной жизни.

3. Она выявила очередной грубый изъян общественной теории марксизма, в котором человеческая духовность в отношении полов вычеркнута. А оставлено только чисто зоологическое продолжение рода и экономическая жизнь.

4. Кратко сформулирована прямо следующая из святости целомудрия логика существования золотых веков в истории цивилизации и обществ социального согласия талантливых и стремительно наращивающих свой творческий потенциал людей, в котором инстинкт продолжения рода через духовную целомудренную любовь становится важнейшим стимулом комплексного совершенствования человека: доброго, трудолюбивого, чуткого к красоте и правде мира.

В сущности – это модель **коммунизма с человеческим лицом**, альтернативная потребительской модели коммунизма, приписанной Марксу. Причем, в отличие от коммунизма Маркса, она имеет прочную историческую опору. От собственно рождения цивилизации в неолите, через Святую Русь, через лучшие периоды Российской империи, до недавнего прошлого СССР от середины 1930-х до конца 1960-х и даже далее. Высокая духовность отношений мужчины и женщины подтверждается литературными памятниками золотого века культуры Ближнего и Среднего Востока. Например, «Хосров и Ширин» Низами Гянджеви, писавшего на фарси. Кстати, это культура индоевропейская, родственная славянской. Собственно сама Ширин говорит, что была славянской княжной.

5. Показана перспективность победоносного, причем мирного решения вопроса ликвидации общества порока и озлобленности.

6. Данное решение прямо указывает на место религии в обществе, существенно отличающееся от современного искаженного понимания православия версии РПЦ. Оно может служить основой реформирования православия, возвращения его к истокам. Для пересмотра самой истории церкви с учетом явной злонамеренности искажений и приписывания беспорочного зачатия Христа женщине той страты, в котором отродясь не было культа целомудрия. Наоборот, был культ порочности, бесстыдства, кровосмешения и принципиальный отказ от морали и нравственности как важнейших регуляторов организации общества.

7. Получено понимание исторического единства многочисленных народов СССР как усвоивших и, по крайней мере, не до конца растерявших общую культуру отношения к целомудрию и женщине как к святыне.

И еще раз подчеркну: результат этот – существенно новохронологический. Исходящий из признания христианства в его современной форме достаточно поздней религией.

Литература

1. Панов Е.Н. На острие социальной эволюции: «я» – «мы» – «они». – <http://ethology.ru/library/?id=94>

2. Шнирельман В. Что такое «неолитическая революция»? – http://znanie-sila.ru/projects/issue_413.html

3. Оса Очага Манге Антимо. Влияние традиции на современную социокультурную ситуацию в Экваториальной Гвинее : дипломная работа студента Российского университета дружбы народов (кафедра социологии факультета гуманитарных и социальных наук). – <http://africana.ru/lands/EcvGuinea/fang.htm>

4. Семенов Ю. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения. – <http://www.scepsis.ru/library/?id=135>

5. Васильева Н.И. Русская Хазария. – <http://www.kladina.narod.ru/vasilyeva2/vasilyeva2.htm>

6. Рабинович Р.А. (Кишинёв). «Волки» Русской летописи. – <http://www.varg.boom.ru/russian/volf.html>